

Алиса Бизяева

**ДЕВУШКА
НА ОСТАНОВКЕ**

РАССКАЗЫ

Алиса Бизяева

Девушка на остановке. Рассказы

«Издательские решения»

Бизяева А.

Девушка на остановке. Рассказы / А. Бизяева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851663-4

Счастье сжимает твои уставшие плечи в тот самый момент, когда понимаешь, что способна из Ничего создать Нечто — несколько смыслов из пригоршни эфемерных звуков, увесистый томик из километра черных чернил, раскатанных по бумаге замысловатым орнаментом. И ты не знаешь, кто нашептал эту формулу, каким сквозняком надуло в голову мысль, кто разрешил тебе выписать ее на бумаге на одном из известных тебе языков.

ISBN 978-5-44-851663-4

© Бизяева А.
© Издательские решения

Содержание

Путешествия наших воспоминаний	6
Портрет Солнца	13
Трамвайный сон	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Девушка на остановке Рассказы

Алиса Бизяева

Иллюстратор Алиса Бизяева

Дизайнер обложки Алиса Бизяева

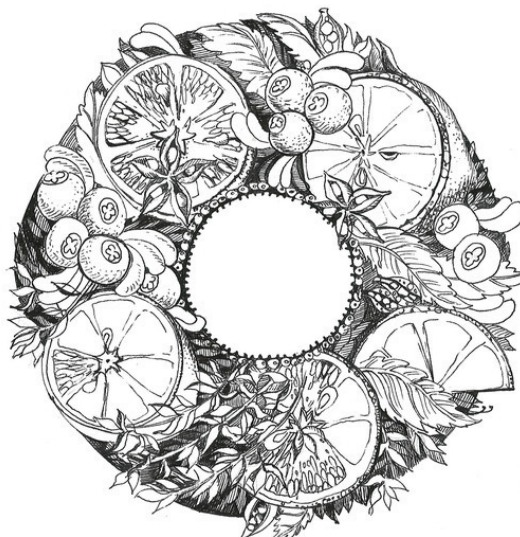
© Алиса Бизяева, 2017

© Алиса Бизяева, иллюстрации, 2017

© Алиса Бизяева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1663-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествия наших воспоминаний

Звездный дождь

Сегодня ночью мы договорились не спать, а идти собирать звезды. Чтобы не уснуть, сели у камина и смотрели, как искры летят вверх, под крышу. Вышли на улицу убедиться, что все они через дымоход попадают на небо и потом проливаются на землю метеоритным дождем.

Звезды падали одна за другой. Мы устроились в саду и искали огоньки в траве. Я собирала их на прозрачную нитку, чтобы сплести искрящийся пояс. Нитка получилась такой длины, что я обернула ее вокруг своей талии двенадцать раз.

Море было беспокойное. Волны скручивались и несли к нам новые звезды – осколки зеркала. Хорошо купаться ночью, когда никого нет на пляже, когда вода прохладная, как молочный коктейль, который колкими льдинками пощипывает язык. Я взяла только самое необходимое: книги, коврик для медитации, коллекцию камешков и растений из разных мест, карманный словарь, сухие краски и универсальную доску для игр.

Рука об руку мы шли по морю, ты – немного впереди, оставляя за собой на воде блестящий след, который смывала оперенная волна, я позади – и след, оставляемый мной, видели только одинокие медузы. Мы шли навстречу луне по огненной дороге, чтобы не заблудиться. Окажется ли луна у нас за спиной, когда мы зайдем за линию горизонта на ту сторону Земли. Мы минули короткую косу, еще несколько шагов, и можно нырять. Вода, густая, как кисель, светилась, и каждое движение разлеталось во все стороны звонкими сверкающими жемчужинами. Руки – будто в бриллиантовых перчатках по самый локоть, на шее – ожерелье из драгоценных камней, каждую минуту меняющее узор.

Я улыбалась, а ты в ответ смотрел печально и внимательно, будто хотел разгадать меня. Казалось, так можно плыть целую вечность, не обращая внимания на то, что ноги постепенно замерзли. Я знала: когда начну уставать, смогу ухватиться за твою теплую шею и плыть дальше. Скоро мы увидели противоположный берег.

Это был безлюдный пляж. Вечер гнал сюда прохладное дыхание, перекатывая лепестки уснувшего тумана. Мы вышли из воды. Твои следы на мокром песке напоминали китайские

иероглифы. Чтобы скорей обсохнуть, мы развели огонь из щепочек, сухих листьев и покинутых птичьих гнезд.

Кто-то заметил дым от нашего костра, голоса приближались. Не хотелось оставлять наш уютный очаг, но это был самый простой выход избежать неприятностей – это могли быть пограничники, которые станут интересоваться нашими документами. Пришлось переждать под водой. Когда на пляже появились люди, мы опустились на дно и стали смотреть оттуда сквозь воду на небо. Над нами проплыли юная камбала с глазами по разные стороны тела, маленькая рыбка-игла, несколько разноцветных медуз. Наконец стало темнеть и на небе показались первые звезды. Когда Млечный Путь стал хорошо заметен, мы осторожно поднялись на поверхность и увидели за собой яркую луну. Наш костер догорал, несколько светящихся угольков остались напоминанием о том, что в последнюю летнюю ночь мы ходим собирать звезды в наш яблоневый сад.

Город К

Мы шли старинной улицей города К, облюбованной туристами, и все глазели на нас. Наверное, мы были симпатичной парой. С трудом прокладывали себе путь среди этой путаницы людей и авто. Торговец цветами нес в свою лавочку на другой стороне дороги охапку цветов и так спешил, что наступил мне на ногу. Мы решили отойти подальше от центра и наткнулись на зоопарк. Прикинув, как будем преодолевать высоченный забор из металлической сетки, мы решили сначала отдохнуть и немного перекусить. Сели на траву, прислонившись к большой катушке стога. Мы могли перелететь через этот забор, но не хотели привлекать к себе внимание, и решили перелезть. Ты помог мне спуститься вниз на той стороне забора, но я все равно зацепилась за острую сетку и слегка поранила ладонь. Ты лизнул царапину на моей руке и принес откуда-то лист подорожника.

Мы разговаривали с животными и кормили их свежей капустой, которую прихватили с собой, чтобы съесть на ужин. Протиснувшись сквозь нехитрые ограждения, мы подошли поближе – шепнули какую-то ерунду обезьяне, погладили по сумке маму-кенгуру. Мы гонялись за поржавевшими к зиме лисами, состязались в беге со страусами, катались на спинах зебр, цепляясь за белые полосы. Мы наблюдали за напыщенными павлинами, приманивали и гладили хищников, заметили семейство зубров, но не стали приближаться, потому что совсем недавно они родили зубренка и были враждебны ко всем подряд.

Нам было трудно смотреть на птиц – многие из них не могли летать. Мне пришлось раздать им часть своей коллекции камней, которую я собирала по всему миру. Птицы, которым посчастливилось найти камень со своей родины, проглотили этот ценный подарок и сохранили навсегда в своем зобу. Мы видели крокодилов, бегемотов, всевозможных грызунов. Только лошадей нигде не было. Ты нахмурился, твои глаза, всегда отражавшие яркий свет, потемнели, как будто кто-то задул их, как свечку. Шутливая драка маленьких медвежат ненадолго развешила тебя. Их родители весело болтали с нами и рассказали, что это их первое потомство. Заимев деток, они почувствовали себя в этом чужом городе как дома.

Что-то необычное витало в воздухе. Видимо, не случайно луна привела нас в этот город. Ты сидел передо мной и смотрел, как приближается закат. Я хотела сделать все как можно быстрее, пока было достаточно света. Импрессионисты всегда охотились на пограничные состояния, и только теперь я почувствовала, как это трудно – поймать твою едва заметную улыбку и глубокий взгляд, в котором отражается желтое солнце, постепенно уходящее на другую сторону Земли, оставляя свой теплый след на крышах исчезающего города.

Маленькая кисть была сделана из моих волос, а большая – из твоих. Краски для рисунков я собирала в самых удивительных местах: фарфоровая голубизна Черного моря, серо-розовая галька – Азовского, томатно-апельсиновый сок Мексики, темные пузырьки пива Гиннес,

прозрачное чешское стекло, черный дождь Лондона, безупречно белый мрамор Барселоны. Краски сохраняли дыхание и дух тех мест, откуда их привезли, а потому и в рисунках сливались горячие испанские ритмы, ирландское народное веселье, шум моря, праздничность Рио, английская суровость, чешская скромность – яркие радужные переливы всех частей света.

Для портрета я выбрала теплые оттенки: оливковые холмы Хорватии, охристую сухую листву Карпат, нежно-салатовое первое цветение крымских плато, светло-серую дымку Свистязи для твоих глаз. В соленой воде залива эти краски делались еще более выразительными и легко ложились на ткань повествования. И вот, посреди вдоха и выдоха, между открытыми и закрытыми глазами, на самой границе дружбы и любви появилось твое лицо, похожее на символ бесконечных превращений инь в ян.

Полеты и сны

Мы поставили палатку на песке у моря. Наутро она была наполовину заполнена водой. Мы не сразу это заметили – так устали, что не могли проснуться. Смотрели один сон на двоих, с разных сторон: кто-то сначала, а кто-то – с конца. Встретились на середине и только тогда проснулись.

Мы лежали, качаясь на поверхности соленой воды, и припоминали этот странный сон. Хозяева особняка, под которым мы заночевали, заметили палатку, спустились на пляж и пригласили нас к себе. Завтрак на открытой террасе с видом на море получился очень вдохновенным. Уже была осень, но этот день напоминал о лете. Морская вода цвета мятного чая накапывала на берег, запах соленой свежести пронизывал хрустальный воздух, залитые солнцем облака медленно тянулись одно за другим.

Люди, которые живут у моря – очень счастливые. Киран и Лорна рассказали нам свои сны. И он, и она летали этой ночью. Лорна летела, словно плыла по воде, ощущая напряжение в мышцах. Она отталкивалась от песка и поднималась выше и выше, с трудом преодолевая земное притяжение. Киран летел, как будто падал в бездонный колодезь. Во время этого полета он ощущал легкость, словно покидал свое тело. Оба припоминали, что ощущение полета было очень сильным и реалистичным: во сне они были уверены, что могут повторить это наяву. «Так и случится когда-нибудь, – подумала я про себя. – Нужно только очень бережно хранить воспоминания о полетах». А ты лишь улыбался – мечта научиться летать была тебе незнакома.

У Кирана была небольшая книжная лавочка в старом городе, где он торговал подержанными и редкими изданиями. Он читал все книги, которые продавал сам, и знал о них много интересного. Я выбрала себе энциклопедию лошадей. А ты купил альбом с репродукциями художников, рисующих небо. Мы оставили Кирану список книг из библиотеки нашего сознания – роман Милана Кундеры о стремлении остаться в памяти после смерти, деликатное жизнеописание эротичности искусства Джона Барта, книгу постижения самого себя Кена Кизи, даосскую притчу Джека Керуака, сказку об игре в шахматы Владимира Короткевича, историю о многоликости человеческого «я» Германа Гессе, исследование Тома Вулфа об экспериментах с сознанием, влетевшую сквозняком через форточку повесть Генриха Белля, сатиру на грязный Париж Генри Миллера, автобиографическую мистику измученного временем Питера Хёга.

Знамения

Мы сидели на берегу, на узкой полоске пляжа и говорили о том, что казалось нам странным. Ты играл с волнами, набегающими белым кружевом. Море стремилось достать твои следы, а ты оставлял их все дальше и дальше, заманивая морскую прохладу на горячий предвечерний песок.

Киран и Лорна рассказали, что несколько месяцев назад видели стаю каких-то существ – издали в тумане не было видно, кто это. Они будто шли по воде, но на том месте, Киран и Лорна точно это знали, не было такой мелкой косы. Они очень удивились, а когда спустились вниз, чтобы рассмотреть ближе, в море никого уже не было. Они говорили, что и следов на песке не нашли.

Мы восприняли это символичное явление как знак: как бы хорошо нам ни было в этом гостеприимном доме на побережье, нужно отправляться дальше и продолжать наши поиски. Следующим утром мы разрушили наш самодельный дом и, чтобы не обижать хозяев, начертили на песке письмо, рассказав, как дышать под водой, читать будущее по следам, разговаривать с собой из прошлого и понимать язык животных.

Постепенно мы обошли все окрестности. Однако, как правильно заметили Лорна и Киран, то, что мы ищем, часто не оставляет никаких следов – только ощущение своей близости. Больше всего нам понравилось курортное местечко, которое несмотря на популярность среди туристов, сохраняло диковатые уголки. Стоило отойти всего на несколько километров от популярных мест отдыха и песчаных пляжей, как вокруг нас остались только пастбища и острый скалистый берег океанского залива. Мы нашли маленький, живописный, спрятанный от любопытных глаз водопад с пресной водой и небольшую полоску уютного пляжа с крупной шлифованной галькой. Неподалеку от этого райского местечка обнаружился еще и укромный грот, куда можно было попасть только по воде... или по воздуху.

Однажды, возвращаясь домой знакомой тропинкой, заросшей по обеим сторонам ежевичными кустами, мы встретили человека-овцу. Мы попробовали заговорить с ним. Он промурлыкал в ответ на дивном и, видимо, очень древнем наречии, похожем на гэльский, и зашагал дальше, сопровождаемый своим седым, мудрым псом. Запах овечьей шерсти зацепился за меня. Он тянулся за человеком-овцой, как нитка за пауком. Я намотала его на ладонь – когда найдется время, сделаю новую краску.

Я устроилась работать в китайском доме: два раза в неделю рассказывала туристам о разных сортах чая на тех языках, которые знала. Вела чайные церемонии. Ты ждал меня в гроте, куда я приезжала на старом фургончике, одолженном на работе. Денег хватало на книги, еду, свечи и дрова для очага. Иногда ты ездил в город вместе со мной, внимательно глядя по сторонам по дороге, чтобы не пропустить что-нибудь важное. Ты вглядывался в лица людей, искал в них отражение чудесных необъяснимых явлений, свидетелями которых они стали. Но большинство лиц были озабоченными и серыми – они принадлежали людям, с которыми давно не случалось ничего необычного, и которые не сомневались в правильности своего мировоззрения. И ты грустил.

Китайский домик посещали разные люди. Были и случайные, и постоянные посетители. Некоторые, узнав об этом месте, заходили посмотреть и больше не возвращались, а другие становились завсегдатаями. Были люди, которые хорошо разбирались в ценности чая, но большинство следили и слушали с неподдельным вниманием и увлеченностью на протяжении всей церемонии. Когда глаза привыкали к полумраку, в помещении можно было разглядеть множество предметов, претендующих на изысканность: флейты ветра разных размеров, бумажные фонарики, несчетное количество подушек с яркими рисунками, декоративные чайнички, расставленные под потолком, репродукции Хокусая и других японских художников. Стены были заклеены китайскими газетами вместо обоев, чайные мастера были одеты в шелковые, традиционно пестрые костюмы. Но стоило сделать несколько глотков чая, как все то, что сначала бросалось в глаза, постепенно сливалось в один гармоничный рисунок и превращалось из синкретичной путаницы в декорацию восточного театра, первым солистом которого был чай.

Сегодня чаепитие происходило как-то по-особенному. Посетители были неискушенные, но очень открытые. Они позволили мне самой выбрать сорт чая для них, понимая, что все зависит не столько от утонченности материала, сколько от аранжировки вкуса, которую могли

предложить им это место и мастер церемонии. В благодарность за доверие я подобрала для них самую ценную посуду – средних размеров глиняные чашечки с чудодейственными надписями и чайничек, который хранил ароматы драгоценных чаев.

Первая вода – быстрая, утоление жажды; вторая вода – крепкая, наслаждение; третья вода – острая, ощущение вкуса; четвертая вода – легкая, медитация; пятая вода – прозрачная, расслабление...

Первый снег

Когда первый снег оставил свои следы на деревьях, ты замкнулся в себе. Я знала, что пока на нашей земле хозяйничал снежный демон, ничего не сможет тебя утешить. Ты весь ушел в ожидание – мучительное ожидание весны, которая, казалось, становилась от этого еще дальше.

Я училась играть на флейте – получалось плохо. Каждый год я теряла по одному навыку из тех, которыми не пользовалась. Самое обидное – я теперь сразу забывала те мелодии, которые появлялись в моей голове. Мне слышалось птичье многоголосье, пение летней ночи, колыбельная маленького зубренка, чудная симфония осеннего листопада, пиццикато серебряного дождя по молодым лепесткам – а через минуту все это стиралось из моей памяти, оставляя лишь словесное либретто.

Ты спал до обеда. Жил ночью – не мог слышать мои упражнения и не хотел видеть черно-белый свет. Думая о тебе перед сном, я мучилась бессонницей. Сегодня нашла тебя на берегу. Ты жег черновики чувств и наши старые разговоры – бросал в огонь все, что могло отдать тепло, пытаюсь согреться. Я села рядом и обняла тебя, ты дрожал от грусти и холода. Я посмотрела в твое лицо, освещенное огнем, таким горячим, что я едва могла терпеть. Твои глаза звенели слезами, как хрустальные колокольчики. Не зная, что еще сделать для тебя, я положила твою голову к себе на колени и начала рассказывать сказку.

«Жил на свете Человек-кот. Он умел лазать по деревьям и видеть в темноте, но не любил высоту. Была у него еще одна особенность – он боялся собак: едва слышит лай вдалеке – сразу бежит в лес что есть мочи, прячется на самом высоком дереве. Шел однажды Человек-кот по улице. Гулял сам по себе, мурчал песенку под нос. Вдруг видит на дороге воробья. Хватит его – и к себе за воротник. Воробьишка трепещет за пазухой, щекочет. А Человек-кот идет себе дальше и в ус не дует, ни о чем не думает. Воробей же в неволе оставаться не хочет, взмолился:

– Отпусти меня, Человек-кот, я тебе секрет один открою!

– Какой секрет? – заинтересовался Человек-кот и вынул воробья на свет божий.

– Отпустишь меня, научу тебя летать.

«Что-то здесь не так», – засомневался Человек-кот, а вслух сказал:

– Ну, научи, а там посмотрим...

Смекнул воробей, что Человек-кот не думает его отпускать, но все же гнет свою историю:

– Есть одна хитрость. Чтобы взлететь, нужно развести руки в стороны и сосчитать до десяти, а потом закрыть глаза и ждать, когда с плеч свалится гора...

– Э, нет! – усомнился Человек-кот, – обмануть меня задумал.

Говорит так, и еще сильнее воробьишку в руке стискивает.

Вдруг где-то в деревне залаяли собаки. Человек-кот бросился в лес, наутек. Бежал, бежал, а лай все не стихал, приближался. Целая свора собак гнала бедного Человека-кота. Человек-кот стал карабкаться на дерево, но самый ловкий пес все-таки изловчился и цапнул его за ногу. Человек-кот не мог больше лезть. Оставалось только одно – взлететь! Человек-кот зажмурился, раскинул руки в стороны и начал считать. Но, чтобы спастись, пришлось ему отпустить воробья – ведь считать он умел только на пальцах.

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть...» – стал он загибать пальцы. И, о чудо! Прошептал «десять» из последних сил, Человек-кот почувствовал удивительную легкость, будто гора упала с плеч. Он открыл глаза и понял, что поднялся над землей и взлетел до самого неба. Собаки лаяли далеко внизу, но он их больше не боялся – теперь он был на свободе и в безопасности. Так Человек-кот превратился в Человека-птицу и больше никогда не обижал воробья, который открыл ему мудрость полета...»

В камине догорали искры воспоминаний. Ты спал, теплый и спокойный, положив голову мне на колени. На следующий день я начала вязать тебе зимнюю шапку и шарф из сухих трав, которые мы собирали вместе все лето.

Возвращение

Не знаю, сколько было таких вечеров, трогательных в своей дивной простоте, но, наконец, пришла весна. Это была последняя весна наших сказочных путешествий. Мы пока не думали об этом и спокойно нежились на первом теплом солнце, купались в освежающей воде утреннего прибоя. Играли в свет и тень, то заслоняя низкое солнце друг от друга, то открывая лицо его лучам. Бегали за волнами, лежали на прохладном песке и разглядывали облака, узнавая в них силуэты разных животных, райских цветов, экзотических рыб. Пили воду из горного источника, лакомились едва порозовевшими черешнями, которые ты собирал для меня каждое утро в листок лопуха. Ты никогда не говорил мне о любви, но я знала, что мы с тобой – самые дорогие друг для друга существа.

Однажды, заметив их издалека, ты помчался навстречу, быстрее ветра. Едва опомнившись, я следила за твоей грациозной, великолепной фигурой. Твой прекрасный хвост развивался по ветру, рисуя благодарность за то время, что мы провели вместе, и поселяя в моей душе меланхолию. Я все смотрела и смотрела на тебя и на этих лошадей вдалеке, и мне невыносима была мысль о том, что мы с тобой – создания разных измерений, и нам с самого начала суждено было расстаться. Я знала, что тебе необходимо найти семью, построить дом, научить своих детей летать, и отправиться на юг, чтобы жизнь твоего племени продолжалась. Теперь ты был счастлив и, верно, уже забыл о своей маленькой принцессе. Мне придется продолжить свой путь одной. А где «пасется» мое счастье, и как оно выглядит – я не знала.

* * *

Мы готовили ужин: жарили каштаны, заваривали кленовые листья. Ты не любил осень, потому что за ней была зима, а зимой ты все время мечтал о теплых краях – как большая птица, которой пришлось зимовать на родине. Быстро темнело, под вечер разыгрался шторм, и мы перебрались ужинать в дом: пили кленовый чай, ели каштаны с соусом из седого света луны, и до полуночи играли в игры. Сперва в рэндзю... Расставляя ряды черных и красных фишек, мы одновременно занимались каллиграфией и писали стихи. Сначала одностишия, а когда получалось выставить три фишки в ряд – складывались хайку. Победителем становился тот, кто сумел выстроить танку из пяти.

Играя в шахматы, ты всегда давал мне фору в коня. Но я все равно проигрывала, потому что за тебя конем ходила ночь. Иногда, увлекаясь, мы сами не замечали, как превращались в других людей или даже вещи. Например, в рисунки Сальвадора Дали: ты нависал над столом резиновой яичницей, а я перевоплощалась в гипсовый портрет Вольтера, в котором мифические гусеницы проели силуэты монахинь. Иногда мне представлялось, что люди вокруг меня, веселые и улыбочивые, танцуют, отмечая мое трехлетие, а на твоём месте появлялся зеленый проросток бамбука. Несмотря на то, что наши сознания получали совсем разные и неожиданные воплощения, мы всегда оставались тесно связанными между собой, будто сюжетом одной книги. Часто и сама игра в шахматы целиком путалась в своих правилах и становилась игрой

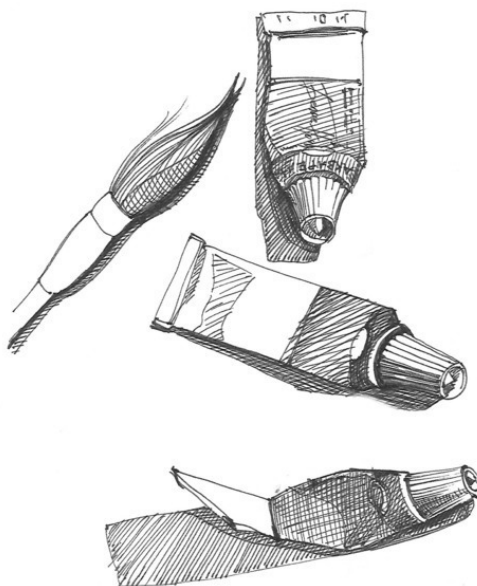
ассоциаций. Тогда наши превращения получали отдельную жизнь. Мы теряли над ними власть, словно батлейщик, который оставляет своих кукол на чердаке в наивной уверенности, что они так и будут все время неподвижно лежать на том же месте.

– Я только что был конем, который умел летать, – сказал ты, очнувшись.

Странно, но твоими глазами я видела совсем другую историю...

Март-апрель 2005

Портрет Солнца

Казик не всегда был слепым. В детстве он хорошо видел, а теперь ему остались только цветные сны. Неизлечимая болезнь одолела его, и в какой-то момент он совершенно ослеп. Раньше, когда мальчик еще мог видеть, он больше всего любил смотреть на небо – хотел когда-нибудь передать на бумаге яркость солнечного лика. Он мечтал написать портрет Солнца и, возможно, за это и был наказан. Родные жалели мальчика, а чужие жалели и мальчика, и его родных. Только мальчик никого не жалел и никому не завидовал. Он каждое утро просыпался и учился жить по-новому, учился ощущать остроту жизни другими органами чувств.

С детства Казику нравилось одиночество. Он любил лежать на спине и разглядывать белые облака, наблюдать как они плывут, плывут. «А куда они плывут? – думал мальчик. – Наверное, собираются где-нибудь в одном месте и создают белый свет».

Казику читали истории про слепого музыканта и других великих людей, утративших зрение, которые достигли успеха и даже всемирной славы. Его убеждали, что он не должен теряться, что ему нужно попробовать себя в других областях, где зрение не так уж необходимо. Но мальчик хотел рисовать.

В своих рисунках он изображал другой мир. На одних он зарисовывал эскизы своих воспоминаний, на других – свои сны. Цвета на баночках с краской были помечены шрифтом Брайля. Поначалу его картины видели только родители, но слава о необычном таланте мальчика быстро разлетелась по всему городу, а позже и за его пределами. Те, кто видел эти рисунки, не верили: одни – в то, что мальчик слепой, другие – что именно он был их автором. Но Казику было все равно, он продолжал рисовать. Просто потому, что иначе не мог.

Родители написали письмо о необычных способностях своего сына в комитет Книги рекордов и пригласили удостовериться в правдивости своих слов. В присутствии официальной комиссии Казику завязали глаза и попросили нарисовать что-нибудь. Какой-то недоброжелатель смешал баночки с краской, но мальчик уже давно научился различать цвета по запаху: зеленая акварель пахла, как раздавленное яблоко, желтая – как белая глина, голубая имела

запах бумаги для писем, серая – вчерашнего хлеба, красная краска пахла кровью, черная – не пахла ничем. Возможно, поэтому мальчик никогда ею не пользовался.

Казик взял бумагу и написал осенний пейзаж. Что-то неожиданное было в этом рисунке, что-то удивительно настоящее. Лучшие художники мира, представители разных художественных течений никогда не делали ничего подобного. Все, кто любовался работой, чувствовали запах дождя, который только что начался, и запах мокрой листвы, едва тронутой тлением.

Благодаря особенному аромату, рисунок навевал сюжет: какая-то девушка только что оставила парковую скамейку, где она сидела и читала книгу, случайно обронив на землю, укрытую мокрой листвой, легкий платок, все еще хранящий запах ее волос.

В своих отчетах несколько членов комиссии не стовариваясь записали, что рисунок будто бы передает им ощущение этого сюжета, хотя на самом деле там не было ни девушки, ни книги, ни платка.

Еще ребенком Казик достиг в изобразительном искусстве таких успехов, которые были невозможны среди видящих. Однако он не прекращал практиковаться, потому что главная его работа – портрет Солнца – все еще не была написана.

Казик применял разные техники, рисовал на бумаге, ткани, стекле. Он использовал светящиеся краски, сусальное золото, серебро – но дело было не в цветах и не в технике. Художник хорошо это понимал. Дело было даже не в том, что он больше не мог видеть солнце. Он очень хорошо помнил, как солнечные лучи пронизывают его, и, проникая внутрь тела, щеко-чут каждую клеточку.

Казик изучил языческие предания про Ярилу, культ египетского бога Ра, мифологию ведических Савитара и Вишну – но ответа нигде не было. Он мечтал попасть в египетский Гелиополь, чтобы найти там необходимые знания, интересовался работами по гелиопсихологии – но все было бесполезно. Однажды он забросил все исследования и закрылся в мастерской, поклявшись не выходить, пока не нарисует главную картину своей жизни. И рисовал, рисовал, рисовал...

Казик рисовал в темноте... Электрический свет ему был не нужен, его глаза светились изнутри. За время своего добровольного заточения мальчик успел вырасти, возмужать. Все эскизы, которые казались ему неудачными, он выбрасывал из окна на улицу. Там всегда дежурил сотрудник художественного музея и собирал его бесценные этюды, а лучшие писатели страны соревновались за право придумать для них названия. Культурологи вели горячие дискуссии относительно шедевров Казика, анализируя творческий путь художника до написания портрета Солнца. Один из исследователей уже заканчивал третий том своей монографии, а главное издательство страны заключило с ним контракт на публикацию и планировало проиллюстрировать книгу репродукциями гениальных зарисовок Казика, ну и, конечно же, его главного произведения, которого все ждали с нетерпением.

Издательство заранее открыло подписку на это издание и собрало полмиллиона заказов. Казика все это не волновало – он не читал газет, не смотрел телевизор, он был счастлив в своей изоляции от внешнего суетливого мира.

Очень скоро художник стал невероятно известным. Его картины и эскизы покупали за огромные деньги. Книги, которые писали о нем, разлетались бешеными тиражами. Его выставки проходили в самых крупных галереях мира. Ходили слухи, которые каждый стремился проверить, что в павильоне во время выставки слышна музыка или многоголосье – не такое, как на многолюдной улице, а как на детской площадке или в фойе театра после спектакля. Каждый рисунок «разговаривал» и был наделен особым голосом. Только люди со слабым слухом не замечали в картинах Казика ничего волшебного. «Какая-то путаница красок» – думали они, но помалкивали, не желая быть заподозренными в невежестве.

Спустя пятнадцать лет, проведенных Казиком в заточении, седой постаревший галерейщик, который внимательно следил за его художественными экспериментами, а также несколько

случайных прохожих стали свидетелями необычайного события: слепой художник, долгие годы создававший самую талантливую на свете живопись, но не имеющий возможности оценить свое творчество... громко смеялся. Он смеялся так, что младенцы, которых мамы выгуливали в колясочках в соседнем парке, разом проснулись и начали реветь.

Что было причиной этого смеха? Может быть, за столько лет художник просто-напросто тронулся умом? Нет, он был здоров. Его развеселило то, каким неожиданным способом, по чистой случайности он нашел ответ. Стольких усилий стоило это открытие. (Долгие годы никто не разгадает секрет этого произведения, никто не откроет его тайну.) Но, как всегда бывает, решение лежало на поверхности, пугалось под ногами и само просилось в руки.

Тем не менее, в тот момент всем стало ясно: наконец-то он воплотил мечту своей жизни, к которой так долго стремился. Он написал портрет Солнца! Об этом свидетельствовал дивный свет, струившийся из мастерской – свет, похожий на северное сияние!

Сотрудник музея понял, что ему выпало быть первым, кто увидит этот рисунок – для него делом жизни было дождаться этого эпохального события. Он, как юноша, взлетел по ступенькам на последний этаж и ворвался в мастерскую. Он увидел художника, заросшего, скрюченного от бесконечного сидения за мольбертом. За его спиной красовалось то самое полотно. Галерейщик не мог сдержать возглас восхищения и добрые полминуты смотрел, не в силах отвести глаз. Это ослепило его навсегда.

Два седых человека – художник и галерейщик – стояли посреди комнаты в объятьях друг друга. Из невидящих глаз обоих текли слезы счастья.

Полотна художника объездили весь мир. Портрет Солнца всегда выставляли в отдельном зале. Чтобы зайти и увидеть шедевр нужно было оставить расписку, которая снимала с организаторов и художника ответственность за то, что станет со зрителем после просмотра этого произведения. В зале никогда не включали лампы, рисунок сам излучал свет.

Люди, которые решались увидеть портрет Солнца, познавали цель своей жизни и переосмысливали себя, но становились слепыми. Время шло, и все больше людей отдавали свое зрение за то, чтобы узнать, в чем высший смысл их существования. Обычно на это решались люди старые, много повидавшие – их зрение было уже не ахти, а жизнь вот-вот должна была угаснуть. Но однажды двое совсем молодых людей, парень и девушка, решили дотронуться до тайны Портрета.

Они были обычными студентами, разочаровавшимися в любви, а из-за этого и в жизни, единственным смыслом которой они считали свое чувство друг к другу. Они не придумали лучшего способа спасти свою любовь, иначе как вместе, держась за руки заглянуть в созданный Казиком лик Солнца. Они готовы были рискнуть своим зрением, только бы вернуть утраченное чувство.

Выполнив все формальности, молодые люди закрыли глаза и вошли в выставочный зал. Они двигались медленно, будто обдумывая каждый шаг. Однако, согласно правилам, никто не мог их остановить.

Они приближались, рука в руке – от рисунка исходило тепло. Остановились они только тогда, когда уже не в силах были терпеть жар, сжимая в руках закопченные осколки стекла, с помощью которых люди наблюдают солнечное затмение.

– Я люблю тебя! – произнесла она, открыла глаза и через стекло увидела, что солнце на рисунке черное.

– Я люблю тебя! – сказал он, почувствовав, как ее слова отозвались теплом в его сердце, открыл глаза и увидел, что солнце на рисунке – квадрат.

19 апреля 2005

Трамвайный сон

Как встретить человека в Городе? Он как будто небольшой, но здесь легко потеряться, здесь легко раствориться, как туман над рекой. И если вы на секунду ловили на себе цепкий, как у кошки, но уставший взгляд, то вы скорее всего худощавый мужчина, одетый в рубашку и потертые джинсы, и на вид вам лет сорок или немного меньше, хотя на самом деле вам немного больше.

Совсем иначе, чем обычно, видит окружающее человек, который кого-то разыскивает. Он или она вдруг замечают, что люди на улицах Города в момент становятся невидимыми или неотличимо похожими друг на друга. Все сливается: плечи, ботинки, потухшие рассеянные взгляды, шляпы и очки – размытая картинка, словно в боковом окне автомобиля, несущегося на большой скорости. На ее фоне вдруг засветится, задрезжит надежда: вот он, знакомый жест, шевеление воздуха, тот самый взгляд. Но всякий раз что-нибудь мешает закрепиться этому видению. Взгляд оказывается не тем, а жест смывает черная волна разочарования.

Она пишет ему письма, надеясь когда-нибудь отправить их. Заучивает наизусть отдельные фразы, чтобы, в случае счастливой встречи, быть готовой сказать хоть что-то: «Мне очень хочется отыскать тебя. Пусть для этого придется расчертить Город на немые квадраты и заглянуть в каждый укромный уголок. Так даже лучше: выучить город наизусть и поселить его в своей душе вместе с тобой, попытаться понять тебя или перелить хоть немного светлого немого тепла, которое струится сейчас вокруг меня, обжигает – несчастное золото».

Иной почтовый ящик, как вокзал маленького городка в шесть утра... Сколько ни щелкай по кнопке «обновить» – на неоновой вывеске все та же фраза «Выигрывайте эксклюзивные подарки в конкурсе!» Что может быть тоскливее, чем ждать ответа на непрочитанное письмо.

Разве есть на свете большее несчастье, чем скопление слов, толпящихся у выхода, которые ты никогда не сможешь сказать тому, кому они предназначены.

Она прошивает город насквозь ярко-синими нитками своего отчаяния, скользя пытливым взглядом, сканируя терпеливо, отсеивая и фильтруя темный омут городского тумана. Она ждет его каждую воскресную службу у костела святой Анны, но, вполне возможно, он не приходит в этот храм никогда.

На входе в метро лежит перо – простое, легкое голубиное перышко. Она прячет его в сумочку и спускается в переход. Идет навстречу потоку, пропуская толпу через матрицу своей памяти. Но тщетно: все незнакомые, каждый спешит по своим делам.

Она учится присматриваться к людям, удивляясь тому, насколько безразличны они были ей раньше. Вот двое мужчин лет шестидесяти в одинаковых клетчатых рубашках, сидят на диванчике метро. У одного в кармане «Магнат» у другого – «Форт». Если взглянуть в их загорелые, будто из дерева вырубленные лица, по которым, как картофелины на дне ящика, катаются красные носы, понимаешь, что там, внутри они совсем юные. Говорят о чем-то увлеченно – два закадычных приятеля и собутыльника, поверенные в делах друг друга.

Оказавшись снаружи, девушка снова бродит по пустым улицам. «Но если есть я, то и он тоже есть, иначе невозможно. А, может, меня тоже нет?» Она попадает каблуком в щель между плитками и вдруг замечает, что кто-то поддерживает ее за локоть, заглядывая прямо в лицо. Она ненадолго просвечивает его лучом своего любопытства, но, не обнаружив того, что ищет, опускает глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.